

ГЛАВНАЯ ВЕРСИЯ

ПО СЛЕДАМ ШТИРЛИЦА И МЮЛЛЕРА

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

Валерий Евгеньевич Шамбаров

По следам Штирлица и Мюллера

Серия «Главная версия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65369041

По следам Штирлица и Мюллера: Родина; Москва; 2021

ISBN 978-5-00180-092-7

Аннотация

Фигура Штирлица – собирательный образ. Юлиан Семенов соединил в нем черты разных советских разведчиков. Но кто из них, подобно Штирлицу, действовал в самом логове врага, Главном управлении имперской безопасности? Как складывалась карьера главного противника Штирлица – начальника гестапо Генриха Мюллера? Какими были взаимоотношения между отдельными руководителями Третьего Рейха? Какими были события и исторический фон, отразившиеся в романе и кинофильме «Семнадцать мгновений весны»? Ответы на эти и другие вопросы дает новая работа известного писателя-историка Валерия Шамбарова. Книга основана на строго документальных материалах и рассказывает о напряженной поединке советских и нацистских спецслужб в годы Великой Отечественной войны.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерий Евгеньевич Шамбаров По следам Штирлица и Мюллера

От автора Пролог перед занавесом

Говорят, что «театр начинается с вешалки». Разумеется, это не совсем точно. Ведь в летнее время для большинства публики вешалка не требуется. Но суть, конечно, в ином – в особенном, неповторимом настроении. Занавес еще закрыт, но зрители проходят в зал, рассаживаются, листают программки, готовясь окунуться в атмосферу постановки. Когда человек берет в руки новую книгу, он испытывает похожие чувства. Ожидание чего-то неведомого, необычного. Предвкушение, как он проведет время. Он бегло листает страницы, читает аннотацию – уже настраиваясь погрузиться в сюжет, в какое-то другое время, где будут действовать те или иные герои.

Ну что ж, перед нами пройдет драма не вымышленная, а историческая, документальная. Эта книга расскажет о по-

единке советских и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны. Мало того, мы поставили перед собой задачу провести собственное расследование. Мы попытаемся найти прототип, наверное, самого знаменитого советского разведчика – Штирлица, он же Всеволод Владимирович Владимиров, он же Максим Максимович Исаев.

Хотя здесь мы сразу же сталкиваемся с серьезной проблемой. Ведь Штирлиц – собирательный персонаж. В нем соединились характеры и особенности разных наших агентов. А их было много. Сам Юлиан Семенов в интервью журналу «Дон» признавался, что он, создавая Штирлица, оттолкнулся от фигуры одного из первых советских разведчиков, действовавшего в годы гражданской войны во Владивостоке, оккупированном японцами. Но его герой вобрал в себя и переплавил лучшие черты прославленных разведчиков последующих времен, таких как Кузнецов, Зорге, Абель. Семенов пояснял: «Если писатель хорошо узнал их всех и через них горячо и полно прочувствовал своего героя – всем своим существом уверовал в него, – то он, герой, хотя и вымышленный, собирательный, впитав живую душу и кровь автора, тоже становится живым, конкретным, индивидуальным».

Но нас интересуют, конечно же, не все разведчики. Нас интересует «именно тот» Штирлиц, из романа «Семнадцать мгновений весны» и телефильма Татьяны Лиозновой, роль которого великолепно исполнил Вячеслав Тихонов. Душевный, искренний, вдумчивый и такой элегантный в черном

мундире штандартенфюрера СС. Кто приблизился к этому образу? Кто на самом деле сумел проникнуть в центральный аппарат нацистского Главного управления имперской безопасности? Кто участвовал в операциях, отраженных в сюжете романа и фильма?

Но для подобных поисков будет вполне правомерно применить ход «от обратного». Главным противником Штирлица в «Семнадцати мгновениях весны» выступает начальник гестапо, группенфюрер СС Генрих Мюллер. Это реальная историческая личность. Почему бы не сосредоточить фокус исследования именно на нем? И если мы проследим его жизненный путь, то наверняка должны встретить и Штирлица. Или нескольких людей, так или иначе имевших отношение к образу Штирлица, внесших в него некие частички собственной жизни и работы.

Причем представляется целесообразным начать «издалека», с начала XX столетия. Это позволит оценить довольно непростые колебания взаимоотношений между Германией и Россией, понять мотивы и психологию тех немцев, которые выступили жесточайшими врагами нашей страны и народа и с которыми пришлось вести смертельную борьбу. Но и других немцев, сохранявших к русским совершенно иное отношение, в том числе выбиравших путь сотрудничества с советской разведкой.

Итак, устраивайтесь поудобнее. Перелистнув страницу, сами откройте занавес. Предоставим нашим персонажам

выйти на сцену...

Глава 1

Детство под барабаны

Будущий начальник гестапо родился 28 апреля 1900 г. в Мюнхене, в довольно бедной семье фельдфебеля санитарной части полиции Алоиза Мюллера.

Как и большинство простонародья Баварии, семья была католической. Разумеется, младенец был окрещен по католическому обряду и получил имя Генрих. Сведений о его детских годах мало. Сперва он был слишком незначительной фигурой, чтобы кому-нибудь понадобилось ворошить его прошлое. А когда возглавил тайную политическую полицию Третьего рейха, желающих интересоваться его прошлым и подавно не стало. Сам же он был человеком скрытным и о себе не распространялся. Впрочем, сведения-то, конечно, есть. Последующие германские историки даже защищали диссертации, поднимали документы, метрические книги, школьные ведомости. Но только вряд ли это представляет интерес для широкого читателя.

Ведь когда начинают «под лупой» исследовать первые жизненные шаги человека, завоевавшего ту или иную известность, это обычно выглядит довольно нудно. А особенно глупыми получаются попытки на основании случаев из детства делать далеко идущие выводы. Вот, дескать, человек

в раннем возрасте стекла из рогаток бил и кошек мучил – и стал злодеем. Или наоборот – бил стекла, бил, но потом взялся за ум и вырос гением...

Но маленький Генрих Мюллер стекол не бил. Для баварского мальчика это считалось бы просто дикостью – стекла денег стоят. И разве можно нарушать закон? Гением он тоже не был. Хотя, ясное дело, учился. Это также подразумевалось само собой: долг каждого немецкого мальчика – учиться как можно лучше, чтобы принести пользу и стране, и родным, и самому занять приличное место в жизни. В ведомостях Мюллера трудно, со скрипом, перемежались хорошие и удовлетворительные оценки. Сперва его отдали в начальную школу в Ингольштадте, потом перевели в рабочую школу в Шробенхаузене, через год снова перевели в школу города Крумбах. Переводили отца – и Генриху тоже приходилось менять место учебы.

Однако для нашей темы гораздо полезнее рассмотреть ту обстановку, в которой рос Мюллер. Все его детство прошло «под барабаны». Германия интенсивно готовилась к большой войне. Она и образовалась-то всего за тридцать лет до его рождения, Германия. Образовалась под гром пушек, поскольку объединение множества немецких королевств, мелких княжеств и вольных городов стало возможным лишь в итоге трех победоносных войн. С Данией, Австро-Венгрией, Францией. Но в результате возникла не только новая Германская империя. Успехи вскружили головы немецким

политикам, военным, обывателям, и побочным результатом объединения стали мечты о дальнейшей экспансии. А когда в 1888 г. на трон взошел агрессивный и обуянный болезненными комплексами кайзер Вильгельм II, общеевропейская война стала практически неизбежной.

В 1905 г. германский генштаб разработал окончательный вариант «плана Шлиффена» – против Франции и России. Скрупулезно учитывалась разница сроков мобилизации в различных государствах, пропускная способность германских железных дорог. Францию предполагалось сокрушить стремительным «блицкригом», пока другие потенциальные противники, русские, будут сосредотачивать войска. А потом предстояло обрушиться на них вместе с союзной Австро-Венгрией, привлечь еще и Турцию.

Кстати, почему-то принято считать, что программы мирового господства и расовые теории внедрили в Германии нацисты. Ничего подобного. Все эти теории родились и стали популярными очень задолго до Гитлера! Второй рейх во многих отношениях уже был похож на Третий. Облик, дух и политика империи определялись тремя составляющими – пангерманизмом, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм, по сути, перенял идеи социал-дарвинизма, но довел их до «логического» завершения. Если английские и французские колонизаторы говорили о превосходстве «цивилизованных народов» над «дикарями», то пангерманисты проводили градацию еще и внутри «цивилизованных народов»,

делая вывод о превосходстве германской нации. Ведь она являлась самой образованной, самой дисциплинированной и самой развитой, если она смогла легко одолеть всех противников и в короткий срок достичь впечатляющих успехов в экономике.

А раз так, ей по праву должно было принадлежать не просто «достойное», а ведущее место в мире. Ну а война становилась всего-навсего аналогом «естественного отбора» в человеческой среде. Способом народа получить свое «место под солнцем». Строились планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, «родственная» Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. У России следовало отторгнуть Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину, Крым, Кавказ. Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» – ее предполагалось образовать за счет португальских, бельгийских, французских, части британских колоний. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку – в противовес США.

В итоге пангерманизм начала XX в. сводился к формуле: «Пруссия под руководством короля, Германия под руководством Пруссии, мир под руководством Германии». По всей стране создавались соответствующие общественные организации – «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Морская лига», «Союз

обороны», ведущие пропаганду этих идей. Под теми же лозунгами возникали студенческие, молодежные, даже детские организации. Например, движение «Wandervogel». В 1910 г. по указу кайзера возник «Югендвер» («юношеская армия»), затем появился еще и «Юнгдойчланд бунд», призванный сочетать усиленную физическую подготовку с пропагандистскими задачами. В воззваниях этой организации детям внушалось: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным». Да и песня «Дойче, Дойче юбер аллес!» уже существовала, это был официальный кайзеровский гимн, очень популярный среди молодежи.

Сплошь и рядом повторялись высказывание Мольтке «Вечный мир – некрасивая мечта», ходовые выражения вроде «кровь и железо», «сверкающая броня». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы», и утверждалось «превосходство высшей расы». Да-да, еще тогда. Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом» и «историческим врагом». Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руковод-

ство человечеством... Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту».

Нет, конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, на выборах в 1913 г. им досталась треть мест в рейхстаге. Однако и германская социал-демократия брала на вооружение те стороны марксистского учения, которые, как казалось, подходили к требованиям текущего момента. А Маркс и Энгельс были яркими русофобами, и главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию. Лидеры социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией». А левые провозглашали Германию... лидером «мировой революции против плутократического Запада».

Вероятно, при другом раскладе сил в государственном руководстве подобные настроения не получили бы столь широкого развития. Но во главе Германии стоял Вильгельм II со своей невыдержанностью и склонностью к аффектации.

Юридически будучи конституционным монархом, а фактически – неограниченным. Как раз такие теории соответствовали его личным взглядам. Но, с другой стороны, и сам он со всеми крайностями своей натуры попадал в струю «общественных чаяний», так что воинствующий пангерманизм и культ кайзера оказывались двумя сторонами одной медали.

Генерал Вальдерзее писал о Вильгельме: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как “ура” ревушей толпы... так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Еще будучи ребенком, он удивлял всех высказываниями вроде «Горе тем, кому я буду приказывать». А став императором, заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». Перед ним пресмыкались и слушались беспрекословно. Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Монарх красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье, изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Перед войной вышла и книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что император – это «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

А все это дополнялось культом военной силы. Еще в начале своего правления Вильгельм провозглашал: «Солдат и ар-

мия, а не парламентские большинство и их решения объединили империю. Я надеюсь на армию». Военные имели в Германии высочайший статус. Школьники и студенты оценивали сами себя главным образом с единственной точки зрения: насколько они способны стать военными. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду армии и флота. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, военным служащим были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему прямой доступ в любой час дня и ночи.

Но и армию он воспитывал по-своему. Еще во Франко-прусской войне немцы отличились чрезмерной по тому времени жестокостью. Эти качества культивировались и позже. В 1891 г. в речи перед новобранцами кайзер поучал: «Может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». В 1900 г., отправляя в Китай экспедиционный корпус, Вильгельм призвал солдат вести себя «как гунны»: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». И они приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска под командованием Лотера фон Тротта «подавили» их настолько круто, что из 200 тысяч человек, составлявших народ гереро, в живых осталось

около 15 тысяч, да и тех загнали в малопригодные для обитания пустыни Намибии. Да, нацизма еще не было, а это уже было. Только протестов еще не вызывало, так как по «цивилизованным» понятиям начала XX века «дикари» за людей не считались.

Наложили ли отпечаток «военные барабаны» на душу Генриха Мюллера? Наверняка. Конечно, как все дети, он играл в «войнушку» – в то время в Германии ни во что другое дети не играли. И о военных подвигах все дети мечтали... Но Генриху, судя по всему, долго играть не пришлось. Семья была бедной, жалованье у отца невысокое. Во время своей полицейской службы он сумел выучиться на садовника и получил место управляющего в одном из баварских поместий. Это было более выгодным.

Помышлял ли о службе в полиции сам Генрих? Кстати, как раз начале XX в. завоевал популярность детективный жанр литературы, выходили все новые книжки о похождениях Шерлока Холмса, Ната Пинкертонa... Но неизвестно, читал ли их Мюллер. Впоследствии он очень любил «полицейские» произведения Чапека. Но это было уже много лет спустя, когда и время стало другим, и социальное положение Мюллера, и сам он в значительной мере изменился. А в детстве – кто знает? Да и были ли у него деньги на книги?

А полицейскую жизнь он видел у себя дома без романтики, без прикрас. Хлопоты, труды, бессонные ночи, дежурства, низкие оклады. Нет, у Генриха возникло другое увлече-

ние – техника! Она в начале века стремительно развивалась. На улицах фырчали первые автомобили, загорались первые электрические лампочки, в эфире звучали первые переговоры по радио, в глубины морей погружались первые подводные лодки, в небо взмывали первые аэропланы. Это было волшебно, героически, создавало ощущение человеческого всемогущества, казалось – дает людям власть над природой.

Но Генрих, ко всему прочему, рос мальчишкой трудолюбивым, основательным. Свои возможности он оценивал трезво. Университеты, высшие училища – это не для него. Усидчивостью и упорством он закончил восемь классов, и достаточно. Опять же, дальнейшее образование стоило денег. Зачем же сидеть на шее у родителей? В 1914 г. он оставил школу. Поступил учеником-подмастерьем на Мюнхенский авиационный завод. Обрел самостоятельность, заработки, а при этом и воплощал свою мечту. Сам, своими руками стал собирать сказочные аппараты, поднимавшиеся в небеса!

Впрочем, это в полной мере попадало и в струю «барабанной» пропагандистской шумихи, заливавшей Германию. В 14 лет мальчик уже трудился на величие империи, помогал одолеть французов, русских, англичан и других врагов, «окруживших» ее, исполнить великую историческую миссию и обрести столь необходимое ей «жизненное пространство». Ведь маленькое событие, поступление юного Мюллера на авиационный завод, совпало с другим событием, гло-

бальным. Загремела мировая война.

Глава 2

Первый взлет и Версальское крушение

Начало войны вызвало в германском обществе единый восторженный порыв. По всей стране катились шовинистические манифестации и «факельцуги». Взахлеб повторялось выражение кронпринца Вильгельма «frischfrolich Krieg», что можно перевести как «освежающая веселая война». Многие вступали в армию добровольцами. Одним из них, кстати, стал австриец Адольф Гитлер. От призыва в многонациональную австро-венгерскую армию он уклонился, поскольку сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», не желал. Но войну считал необходимой и писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Перебравшись в Мюнхен, он подал петицию с просьбой принять его волонтером на имя короля Баварии Людвига III (в Германии наряду с императором еще сохранялись престолы королей и герцогов отдельных земель). Прошение уважили, и Гитлер был призван в запасной полк, вскоре направленный в Бельгию.

Но стоит отметить, в ходе Первой мировой в руководстве и войсках Германии и ее союзников проявились те же са-

мые качества, которые в полной мере будут характерны и для Второй мировой. С одной стороны, доблесть, высочайшее воинское мастерство. С другой – уже просматривались черты «белокурой бестии», разве что масштабы были поменьше. Причем жестокость обосновывалась чисто практически соображениями. Еще Клаузевиц ввел в свое учение о войне «теорию устрашения». Писал, что «нужно бороться против заблуждений, которые исходят из добродушия». Он доказывал, что мирное население должно испытывать все тяготы войны – тогда оно будет воздействовать на правительство, чтобы поскорее запросило мира. Шлиффен дополнил эти мысли «доктриной устрашения».

По планам «блицкрига» оставлять крупные силы в тылу для поддержания порядка вообще было нельзя. А значит, требовалось сразу же так запугать местное население, чтобы даже пикнуть не смело. Для этого осуществлялся «превентивный террор». Приказы кайзеровского командования прямо предписывали «жестокие и непреклонные меры», «расстрел отдельных лиц и сжигание домов». В Бельгии, Франции, Польше оккупанты повсюду брали заложников из местных жителей. За любые «враждебные акции» или просто «нелояльность» со стороны населения этих заложников расстреливали десятками и сотнями. Несколько городов сожгли дотла, перебив всех, кто попался под руку. Захватив Сербию, австрийцы и немцы залили ее потоками крови, по городам и селам выросли рощи виселиц. Турция при покровительстве

и поощрении Германии впервые в истории целенаправленно организовала кампанию геноцида нескольких христианских народов – было вырезано и выморено в концлагерях 2 млн армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан.

В 1915 г. германские войска смогли занять западные области Российской империи и вовсю развернули их освоение, «германизацию». Министр иностранных дел фон Ягов представил кайзеру меморандум: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар... Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной германо-латинским народам Запада...» Как видим, терминология уже очень смахивала на грядущие труды доктора Геббельса.

Практические меры по «германизации» разрабатывал тайный советник МИД М. Серинг. Он отмечал, что в Курляндии это будет легко, 10 % немецкого населения, уже имевшихся там, «будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело». А из Литвы предполагалось депортировать поляков, превратить в «немцев» «наиболее производительных крестьян». Предусматривалось и переселение в «германизируемые» области колонистов из Германии.

Реализация данных планов была временно возложена на

командование Восточным фронтом во главе с Гинденбургом и Людендорфом. По воспоминаниям современников, Людендорф в своем штабе «изучал демографическую статистику, как боевые сводки». А началась «цивилизаторская работа» с назначения генерал-интенданта оккупированных земель Эрнста фон Айзенхарта-Роте, повсеместного введения военно-полевых судов и... разрушения системы образования. Согласно приказам германского командования, отныне учителями могли быть только немцы, а преподавание разрешалось лишь на немецком языке. Все прочие учебные заведения закрывались – русские, польские, литовские, латышские. Немецкий язык был объявлен единственным официальным языком в оккупированных областях – на нем должны были писать все вывески, говорить в местных административных и хозяйственных учреждениях. Соответственно, и руководящие посты могли занимать только немцы или лица, свободно владеющие этим языком.

Но изначальный энтузиазм быстро улетучивался, а «делетка шкуры» российского медведя и прочие подобные проекты оказывались явно преждевременными. Победоносные планы германских стратегов срывались. Париж взять не смогли, немцев крепко потрепали на Марне, и во Франции установилась позиционная война, обе стороны перемалывали друг друга, битвы под Верденом, в Шампани, на Сомме, во Фландрии, уносили сотни тысяч погибших и раненых. Не удалось сокрушить и Россию, ее армии оставили ряд обла-

стей, но не позволили разгромить себя, и здесь тоже установилась позиционная война. Мало того, русские наносили чувствительные ответные удары.

Война затягивалась, а для Германии и Австро-Венгрии это оборачивалось бедствием. Ресурсы Антанты значительно превосходили, а Центральным Державам пришлось сражаться, по сути, в блокаде. Германия первой из воюющих стран, уже в феврале 1915 г., ввела хлебные карточки. По ним полагалось 225 г муки в день на взрослого человека, а детям старше года – 100 г. Хлеб начали выпекать суррогатный, смешивая с картофелем. Яйца стали предметом роскоши. Газеты по правительственным подсказкам писали о вреде сливок и расхваливали «тощий сыр» из снятого молока. Людей призывали к экономии. Рекомендовали не чистить картофель, поскольку при этом теряется 15 % веса. Советовали не стирать часто белье – на изготовление мыла нужны жиры. А лаборатория профессора Эльцбахера публиковала результаты своих исследований, что резервы еще можно изыскать, поскольку каждый немец ежедневно выбрасывает в отходы до 20 г жиров при мойке посуды.

Ну а чем дальше, тем труднее становилось германскому обывателю. Число убитых на фронтах перевалило за миллион. В баварских деревнях с населением 300–400 человек насчитывалось по 20–30 погибших. В три раза больше было раненых, искалеченных. В связи с призывами в армию и огромными потерями остро не хватало рабочих рук, осо-

бенно в сельском хозяйстве. На поля и заводы посылали пленных, массами угоняли людей с оккупированных территорий. К осени 1916 г. ситуация стала совсем катастрофической. Кайзер, сиюсь спасти положение, предоставил диктаторские полномочия популярному фельдмаршалу Гинденбургу. Впрочем, сам Гинденбург мало занимался делами, он был, скорее, лишь авторитетной «вывеской». Реально при нем распоряжался начальник его штаба, энергичный и талантливый Людендорф.

Был выдвинут лозунг «durchhalten» – продержаться. Выиграть время в надежде на какие-нибудь перемены. Была принята «программа Гинденбурга» – «Закон о конфискации и реквизициях в военное время», по сути перечеркивавший право собственности, «Закон об отечественной вспомогательной службе» – все мужчины, не призванные в армию, от 16 до 60 лет, считались мобилизованными, их разрешалось без ограничений привлекать на любые работы, и никаких протестов не допускалось. В армию призывали уже лиц от 17 до 45 лет, а на производстве их заменяли рабами из оккупированных стран, из одной лишь Бельгии пригнали 700 тыс. человек.

Но ресурсы Германии были исчерпаны. Для производства снарядов и патронов не хватало меди – германские женщины по призывам правительства сдавали даже медную посуду. Упала добыча угля – его некому стало добывать. Все, что удавалось выжать из шахт, шло на военные заводы, жилые до-

ма не отапливались. В 1916 г. в дополнение к хлебным карточкам появились карточки на масло, жиры, картофель, мясо, одежду. Для крестьян, фермеров, помещиков была введена полная принудительная сдача сельхозпродуктов государству.

Зимой 1916/17 г. в Германии не стало даже картофеля. Его заменяли брюквой, и эту зиму прозвали «брюквенной». А к весне было произведено очередное урезание карточек, на день теперь полагалось 179 г муки или 1,6 кг суррогатного хлеба на неделю. Недоедание вызывало падение производительности труда. Ослабленные люди болели, подскочила смертность. Нарастали усталость и уныние, в победу больше не верили. Людендорф считал положение» чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным.

Генрих Мюллер все эти тяготы испытал на себе. Правда, на военном заводе было все-таки полегче – рабочие получали гарантированный паек. Но все равно приходилось затягивать пояса, ужиматься во всем. Тем не менее юный патриотизм Мюллера отнюдь не угас. Может быть, как раз со времен войны он стал презирать интеллигенцию – которая сперва легко загорелась «на подвиг», а потом, обжегшись и разочаровавшись, ударилась в пацифизм и оппозицию. А интерес Генриха к авиационной технике перерос в яркую и высокую мечту.

Точно так же, как во Вторую мировую войну кумирами публики становились разведчики, в Первую мировую ими

были летчики. Военная авиация была совершенно новым видом войск. Ее тактика, искусство ведения боев только нарождались, большинство пилотов еще имели о них смутное понятие. Зато те, кто первыми освоил это мастерство, становились настоящими героями. На всю Германию гремели имена братьев Рихтгофен, Фосса и других асов, десятками сбивавших самолеты врага. О них захлеб писали газеты, их фотографии бережно вешали на стены, о них украдкой вздыхали женщины, ходили легенды.

Например, как за голову Рихтгофена-старшего англичане назначили вознаграждение. А он сбросил им письмо – чтобы легче было меня найти, он выкрасит свой аэроплан в красный цвет. Но на следующий день покрасила красной краской самолеты вся его эскадрилья – один за всех, и все за одного. Или история, как Рихтгофен сошелся в схватке с британским асом. В критический момент у одного из них заклинило пулемет (у кого именно, в разной передаче различается), и противник, поняв это, тоже не стал стрелять, помахал рукой и ушел – встретимся в другой раз. Казалось, в лице летчиков возрождается дух древнего рыцарства... Но ведь Мюллер сам участвовал в изготовлении самолетов для них, выступал как бы оруженосцем! Они приезжали на завод – прекрасные, недостижимые, как живые божества! Как завидовал им Генрих, как желал стать одним из них!

По закону, введенному Гинденбургом и Людендорфом, в армию брали семнадцатилетних, и Мюллер, когда ему стук-

нуло 17, подал прошение о зачислении добровольцем. 11 июня 1917 г. он надел солдатский мундир. Правда, таких юнцов направляли не на фронт, а во второсортные части – на тыловую и охранную службу. Мюллер тоже после учебной команды в Мюнхене получил назначение в Аугсбург. Но он подавал рапорты о переводе в авиацию, хотел летать! В другое время это так и осталось бы несбыточной мечтой. Авиация в Германии считалась «аристократическим» видом войск. В нее шли отпрыски родовитых фамилий, порой переквалифицировались в летчиков пехотные, кавалерийские офицеры – уже понюхавшие пороху, имеющие награды. Куда уж было неотесанному баварскому мальчишке с 8 классами образования!

Но ему повезло. Людендорф, высоко оценивая значение авиации, как раз в это время поставил перед промышленностью задачу повысить выпуск самолетов до 300 в месяц. А для резкого наращивания авиации требовались не только аэропланы, требовались летчики. Подготовку авиационных кадров также было решено расширить. Ну а в пользу Мюллера сыграли три года работы на авиационном заводе. По тем временам – солидный опыт, он хорошо знал технику, имел понятие о принципах управления самолетом. В декабре 1917 г. его перевели в авиационную школу.

Конечно же, Генриху пришлось очень тяжело. Не хватало образования, он плохо понимал теоретические вопросы. Должны были наложиться и психологические проблемы.

Ведь в школу зачисляли «золотую» молодежь, многие попадали по знакомствам, среди курсантов были и офицеры. В таком обществе баварский юноша выглядел «белой вороной» – грубоватый, угловатый, с «квадратной» головой, с непропорционально большими натруженными ладонями и толстыми пальцами... Вероятно, были и насмешки, и унижения.

Но Мюллер выдержал. Преодолевал эти унижения. Точнее – умел таить в себе. Главное было выучиться. Выйти в небо. А значит – в «люди». Он старался. Самолет он знал гораздо лучше, чем его товарищи по учебе. Его большие руки брали рукоятку управления так же твердо и уверенно, как рабочий инструмент. А если трудно – труда он не боялся никогда... Генрих добился своего. Мощный бомбардировщик покорился мальчишке.

А на фронтах, как ни парадоксально, немцев выручили политические и закулисные круги Англии, Франции и США. Россия оставалась их верной союзницей, неоднократно спасала западных друзей в 1914, 1915, 1916 гг. Но она являлась главным конкурентом Запада и на международной политической арене, и в экономике, и в торговле. После победы (которую все эксперты прогнозировали не позже осени 1917 г.) Россия получила бы возможность диктовать свои условия мира, перед ней были взяты очень большие обязательства... Союзные спецслужбы и дипломаты организовали заговор среди российской оппозиции. Грянула Февральская революция. Временное правительство, составленное из

заговорщиков, по рекомендациям своих зарубежных покровителей ударилось в безудержные демократические реформы, вызвавшие развал и в государственных структурах, и в армии.

Вот тут-то и германское правительство сумело осуществить «ход конем». Бросило в Россию разрушительный десант большевиков во главе с Лениным. Эту операцию курировали лично Людендорф и начальник военной разведки полковник Николай, в окружении Ленина давно уже действовала команда немецких шпионов и агентов влияния. Усилилось финансирование большевиков через Швецию и Норвегию, они смогли завалить всю страну своими газетами и листовками. Русская армия оказалась совершенно разложенной, «самодемобилизовывалась», растекаясь по домам. От бестолковых болтунов Временного правительства народ отвернулся. А большевикам после захвата власти пришлось расплатиться со спонсорами Брестским миром. Немцам и их сателлитам отдавали Прибалтику, Финляндию, Украину, Польшу, Закавказье, Крым, возвращали 2 млн пленных, с ними заключили кабальные обязательства о поставках продовольствия и сырья.

Это позволило Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии продержаться еще год. Весной 1918 г. кайзеровское командование наметило мощнейшее наступление во Франции. Для этого концентрировались все резервы и ресурсы, накопленные за год. Строились расчеты, что удар станет ре-

шающим, позволит переломить ход войны, взять Париж, и вынудит противника просить о мире. В апреле 1918 г. прибыл на фронт и Мюллер – Людендорф собрал на острие удара все сформированные авиагруппы. Как описывают участники этого сражения, оно началось настоящей мешаниной в воздухе. Трещали моторами сотни самолетов – «ньюпоры», «сопвичи», «вуазены», «фокке-вульффы», «месершмитты», «альбатросы», «спады», «бристоль-файтеры», «юнкерсы». Бросали бомбы, резали друг друга пулеметными очередями.

Мюллер показал себя блестящим пилотом. «Гадкий утенок» превратился – нет, не в лебедя, а в орла. Сильного и уверенного в себе хищника. Хотя воздушные операции были крайне опасными. Авиатехника была еще несовершенной, нередко выходила из строя. Полет бомбардировщика в глубину неприятельской территории сам по себе был подвигом. А французы и англичане уже вовсю разворачивали систему ПВО. Их города прикрывались истребителями, зенитными батареями и пулеметами. Или обычные трехдюймовые пушки устанавливались на специальные станки и били в небо шрапнелью, ставя на пути самолетов смертоносное загрязнение. Большие тихоходные машины, летевшие со скоростью 100–120 километров в час, были прекрасными мишенями, и на аэродромы возвращались далеко не все.

Но Мюллер не брезговал сам вместе с механиками проверять мотор, вооружение и другие системы. Несмотря ни

на какую усталость от прошлых боев, сам тщательно готовил машину к новым вылетам. И в то время как его сослуживцы из «золотой» молодежи погибали из-за отказов двигателя или заеданий пулемета, он продолжал летать. В небе проявилась и хитрость, обманчивость его натуры. Он мог заставить пилота вражеского истребителя поверить, что перед ним туповатый медлительный увалень, — а потом неожиданно сделать замысловатый маневр, которого от него никак не ожидали.

Проявилось и его баварское упорство. Та самая бульдожья хватка, которой он будет позже известен в полиции. Ведь прицельные приспособления были еще крайне примитивными. Для точного бомбометания требовалось снизиться, подставляясь под вражеский огонь. Нередко бывало, что пилоты спешили освободиться от груза абы как, лишь бы побыстрее. Но не Мюллер. Он тщательно выбирал цель. А уж «вцепившись» в нее, не выпускал. Встав на боевой курс, не обращал внимания на очереди с земли, на разрывы зенитных снарядов — пока его бомбы не накрывали объект. А если не накрывали, шел на второй заход. Привозил дыры в плоскостях, осколки в фюзеляже, но задание выполнял всегда.

Впрочем, в этих операциях проявилось еще одно немаловажное качество Мюллера. Бомбардировщики посылали не только на военные объекты, но и на города противника — посеять панику, подтолкнуть неприятелей, чтобы взмолились мириться. В Первую мировую такие действия по нор-

мам международного права квалифицировались как военные преступления. Летчики самолетов, сбитых над Францией, рисковали попасть под военно-полевой суд и расстрел. А экипажи бомбардировщиков, упавших в море, британские моряки вообще не спасали – предоставляли тонуть или добивали из пулеметов. Так что для подобных полетов требовалась особая смелость. И не только смелость, а еще и известная «толстокожесть». Мюллер ею обладал. Ему не было никакого дела до тех конкретных людей, на чьи головы сыпались бомбы. Главное было – выполнить задание и отличиться самому.

Старательного и умелого юношу начальство заметило. Потери в личном составе были значительными. Одних сбивали, другие возвращались ранеными. Уже вскоре 18-летний Мюллер повышается в должности, из второго пилота становится командиром экипажа. Получает Железный крест II класса. А еще через несколько месяцев его награждают Железным крестом I класса! «Нижним чинам» такой орден давали очень редко, при исключительных отличиях. Крест I класса по рангу считался офицерской наградой. Тех, кто сумел ее заслужить, обычно производили в офицеры или направляли в офицерские училища. Но... у Мюллера не хватало образования. Поэтому он был произведен в звание вице-фельдфебеля.

Однако в мечтах и надеждах наверняка он уже возносился выше. В 18 лет – вице-фельдфебель, кавалер высочайших

наград. Такого и после войны наверняка оставят на службе. Значит, будущее определилось – авиация. Что же касается образования, так кто ему мешает потом подучиться? Он станет блестящим офицером-летчиком. То-то будут гордиться родители, качать головами бывшие учителя и одноклассники, заглядываться девушки...

Неплохо воевал и Гитлер. В армии ему вообще понравилось. Один из офицеров вспоминал, что полк был для него «словно дом родной». А сам он писал: «Я оглядываюсь на эти дни с гордостью и тоской по ним». Он заслужил репутацию образцового солдата, выполнял обязанности связного и был известен способностью доставить по назначению донесение даже под самым жестоким огнем, за что был награжден Железным крестом II степени. Гитлер считался «везунчиком», два года воевал без единой царапины. Лишь в октябре 1916-го его ранило в ногу. После излечения в госпитале он получил отпуск, посетил Берлин и Мюнхен. Но тыловые города произвели на него ужасное впечатление царившими там пораженческими настроениями. Гитлер отнес это на счет евреев и вражеской пропаганды. Именно тогда ему пришла мысль после войны заняться политикой.

Из госпиталя он, по свидетельству современников, вернулся в полк с радостью, «как в родную семью». В августе 1918 г. его тоже наградили Железным крестом I класса. Причем ему-то для дальнейшей карьеры образования хватало. Но, по иронии судьбы, начальство сочло, что ему «не хвата-

ет командирских качеств», и он, в отличие от Мюллера, не поднялся выше ефрейтора. Позже Гитлер попал под обстрел химическими снарядами и ослеп. Едва сумели вылечить...

Однако, несмотря на героизм солдат и офицеров, на решительный натиск, на применение новейшей техники, Германия так и не смогла добиться решающего успеха. Прибывающие из России пополнения, вчерашние пленные, были далеко не лучшего качества. Они уже привыкли в лагерях, что война для них кончилась, и вторично лезть в пекло не стремились. Трусили, дезертировали. Многие бывшие пленные были заражены большевизмом. А советские представительства в Германии и Австро-Венгрии стали «крышами» для распространения революционной пропаганды и организации коммунистических «пятых колонн». В общем, Центральные Державы получили обратно тот же самый «подарок», который они выпестовали и закинули для России. Тылы стали разрушаться, нарастали волнения, антиправительственные выступления.

А на фронте наступательный порыв иссяк, лучшие силы были измотаны и повыбиты – и армии Антанты обрушились контрнаступлениями. Боевые порядки затрещали по швам. В сентябре французы и англичане проломили «линию Гинденбурга» во Франции, одновременно нанесли удар на Балканах. 29 сентября капитулировала Болгария, там началась революция. Румыния тут же разорвала союз с немцами и перекинулась на сторону Антанты. 30 октября сдалась Турция.

Забурлила мятежами Австро-Венгрия, разваливаясь на части. 3 ноября она тоже капитулировала. А едва известия о падении последней союзницы дошли до Германии, она будто взорвалась изнутри. Заполыхали восстания, покатались манифестации в Киле, Мюнхене, Берлине, Гамбурге, Бремене, Любеке.

9 ноября кайзер Вильгельм отрекся от престола и сразу сбежал в Голландию – повторять судьбу русского царя ему явно не хотелось. Социал-демократ Шейдеман с балкона рейхстага провозгласил республику. А лидеры последнего правительства Второго рейха, принц Макс Баденский, канцлер Эберт и министр Эрцбергер обратились к державам Антанты с просьбой начать переговоры о перемирии. 11 ноября 1918 г. в Компьене было подписано перемирие, согласно которому Германия демобилизовывала армию, выдавала победителям флот, оставляла Эльзас и Лотарингию.

Воевать она и впрямь больше не могла. Революционный раздрай углублялся. После падения монархии различные партии и лидеры сцепились в борьбе за власть. Ввязалась и Советская Россия, активно подпитывая самые радикальные группировки. В Германию и Австро-Венгрию хлынули коммунистические агитаторы и активисты, прибыли высокопоставленные эмиссары во главе с Радеком. Невзирая на нищету и разруху в самой России, Ленин и Троцкий выделяли для разжигания «мировой революции» колоссальные суммы – направляли для этого золото и драгоценности, конфиско-

ванные у «буржуев». Лидер германских крайне-левых «спартаковцев» Карл Либкнехт 21 ноября объявил себя большевиком и проговорился, что он обладает «неограниченными средствами». Советское правительство готовились поддержать своих ставленников и штыками. Ленин писал: «Армия в три миллиона должна у нас быть к весне для помощи международному рабочему движению».

Правда, немецкие умеренные социал-демократы оказались более дееспособными, чем российские соратники Керенского, да и основная масса народа не поддержала экстремистов. Январское восстание в Берлине и «советскую республику» в Бремене быстро разгромили. Руководителей «спартаковцев» Карла Либкнехта и Розу Люксембург нашли в канаве убитыми. Радека 2 февраля 1919 г. арестовали и упрятали в Моабитскую тюрьму. Тем не менее ситуация оставалась напряженной. Вспыхнула революция в Венгрии, тоже провозгласившей советскую республику. Ленинское правительство бросило войска на запад, чтобы поддержать венгерских и германских «братьев по классу».

А в апреле полыхнуло в Баварии. Социал-демократическое правительство этой земли во главе с Гофманом бежало в Бамберг, в Мюнхене была провозглашена Баварская советская республика. Но долго существовать ей не пришлось. Центральное правительство Эберта – Шейдемана – Носке быстро направило сюда надежные части. Гофман в Бамберге формировал добровольческие части «фрайкора». После

трехдневных боев «баварскую красную армию» разгромили, несколько сот человек было убито или расстреляно, порядок восстановился. С помощью румынских и чешских войск удалось усмирить и очаг в Венгрии. Ну а российская Красная армия прорваться в Центральную Европу не смогла – ей пришлось перебрасывать силы против белогвардейцев.

Казалось бы, очаги революций в Германии и Австро-Венгрии удалось ликвидировать без тяжелых последствий. Но нет, дело обстояло совсем не так. Этими встрясками не преминули воспользоваться державы Антанты. Они вели с побежденными далеко не честную игру. В ноябре 1918 г., при заключении перемирия в Компьене, давали понять, что условия уже продиктованы. Подразумевалось, что на последующей мирной конференции речь пойдет об уточнении и юридическом оформлении. Но когда эта конференция собралась в Версале, победители предъявили уже другие условия, гораздо более жесткие. Немцы, австрийцы, венгры взвыли, однако деваться им теперь было некуда – они уже разоружились, сдали пограничные крепости, перевели флот на британские базы. А внутренние потрясения настолько взбаламутили и ослабили их, что об отказе от предъявленных требований, о возобновлении сопротивления думать не приходилось.

Болгарию по Нейискому договору территориально обреза-ли, наложили огромные репарации, лишили армии. По Севрскому договору расчленялась Османская империя, а

по Сен-Жерменскому и Трианонскому договорам – империя Габсбургов. Вместо нее появились Австрия, Венгрия, Чехословакия, часть земель отошла к Польше, Югославии, Румынии, Италии. А Германия по Версальскому договору, подписанному 28 июня 1919 года, теряла восьмую часть своих территорий. Эльзас и Лотарингия отходили к Франции, несколько районов уступались Бельгии, часть Пруссии и Померании – Польше, выделялись вольные города Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда). Кроме того, у немцев отбирались все колонии.

Германская армия ограничивалась численностью 100 тыс. человек и должна была стать профессиональной – чтобы ее нельзя было увеличить за счет подготовленных резервистов. Вводились жесткие ограничения по флоту, немцам запрещалось иметь танковые, химические войска, военные академии и высшие училища. Область вдоль Рейна объявлялась демилитаризованной – там вообще не должно было находиться никаких войск, а Саарская область передавалась под управление Лиги Наций (фактически – Франции). Немцев обязывали выплатить гигантские репарации в 132 млрд золотых марок. В общем, договор выглядел не наказанием агрессора, а просто грабежом по праву сильного. А немцы были не дураками, они это хорошо понимали.

Вдобавок ко всему, панацеей от всех бед, политических и экономических, западные державы объявили «демократизацию» побежденных государств. Под давлением победителей

в августе 1919 г. в Германии была принята демократическая Веймарская конституция. Ее рекламировали как «самую демократическую» в Европе. Откуда и пошло название государственного режима – Веймарская республика. Слабенькая, рыхлая, аморфная.

Наряду с другими ограничениями, иметь военную авиацию для Германии тоже запрещалось. Соответственно, все планы и мечты Генриха Мюллера потерпели полнейшую катастрофу. Рухнули одним махом из-за условий, навязанных англичанами, французами, американцами. Такое не могло не оставить болезненную зарубку в его памяти – и наверняка сказалось в будущем.

Глава 3

Республики Веймарская и Советская

Единовременная массовая демобилизация в Германии стала весьма болезненной. Из вооруженных сразу выплеснулись миллионы безработных. Пристраивались, кто как может. Например, Генриху Гиммлеру довелось жить «альфонсом» на содержании берлинской проститутки Фриды Вагнер, которая была намного старше его. Потом принял совет отца, стал учиться на агронома. Командир знаменитой эскадрильи «Рихтгофен» капитан Герман Геринг сумел сохранить самолет, показывал воздушное искусство на праздниках в Швеции и Дании, за плату катал публику. Некоторые пополняли ряды преступного мира. Другие спивались, кончали с собой.

Политическая жизнь после революции бурлила вовсю. Возникали многочисленные микроскопические партии, о большинстве из которых никто не знал за пределами «своей» пивной. Впрочем, как возникали, так и исчезали, едва успев составить свои «программы». Тут были и демократы, и коммунисты, и сепаратисты (напомним, что с объединения Германии тогда прошло всего полвека).

Адольф Гитлер после выписки из госпиталя устроился конвойным в лагерь военнопленных в Траунштейтене. Но

в марте 1919 г. этот лагерь ликвидировали, пленных распустили по домам. Безработный ефрейтор, не зная, куда прийтись, вернулся в Мюнхен, в опустевшие казармы своего родного 2-го баварского полка, где и поселился с разрешения офицеров. Участие в его судьбе принял капитан Эрнст Рем, являвшийся в это время доверенным лицом баварского командующего фон Эппа.

В армии все было вверх дном – шли сокращения, реорганизация в малочисленный Рейхсвер. Многие офицеры строили собственные прожекты – а как бы увильнуть от версальских условий? Нельзя ли создать некую «скрытую» армию? В рамках подобных проектов по инициативе Рема возникли курсы «бильдунгсофицеров» – «офицеров-воспитателей», что-то вроде пропагандистов (но слово «офицер» в названии было условным, офицерских званий курсы не давали). На эти курсы Рем и направил ефрейтора Гитлера, проявившего столь похвальную привязанность к армии.

По окончании курсов Гитлер отирался при политическом отделе баварского Рейхсвера. Без должности, без оплаты, только кормили по солдатской норме и сохраняли за ним койку в казарме. Функции этого политического отдела оставались совершенно неопределенными, и офицеры сами выдумывали, чем бы им заняться. 12 сентября непосредственный начальник Гитлера капитан Майр послал его в пивную «Штернекерброй», где происходило собрание Немецкой рабочей партии Дрекслера. Разузнать, что это за организация,

имеет ли смысл с ней связываться.

На тот момент можно было ответить – не имеет. Она являлась одной из ничего не значащих микропартий, а Дрекслер был известен только тем, что накропал и издал брошюру «Мое политическое пробуждение», потом в соавторстве с инженером Федером выпустил еще одну – «Как сбросить ростовщичество?». На собрании присутствовало всего 46 человек. Но когда один из ораторов заговорил об отделении Баварии, Гитлера это задело, он выступил с горячей отповедью. Его первая в жизни речь понравилась Дрекслеру. Он подарил ефрейтору свою брошюру, а через несколько дней прислал открытку, что тот принят в партию (даже не спрашивая согласия принимаемого). Однако Гитлер согласился. Он уже понял, что в политическом отделе перспективы у него вообще нулевые.

Рем поддержал его. Но Гитлер вдруг очутился «в своей среде». Ведь масса германских партий почти не отличалась друг от друга: все программы строились на протестах против Версаля. Гитлер же неожиданно выдвинулся в качестве талантливого оратора. А это привлекало. В октябре 1919 г. в пивной «Хофбройхаузкеллер» его слушало 100 человек, потом – 200, а к февралю 1920 г. он снимает для митинга уже самый большой зал этой пивной, собирается 2000 человек.

Прежние лидеры партии – Дрекслер, Федер, Харрер – постепенно отходят в тень. А сама «микропартия» растет за счет приверженцев Гитлера, от 86 членов до 3 тыс. Сказы-

валось и то, что через Гитлера и Рема партия получила поддержку Баварского военного министерства и штаба Четвертого (баварского) военного округа. Личные связи Рема позволили получать некоторое финансирование. Так, из фондов Рейхсвера Гитлеру выделили 60 тыс. марок для издания партийной газеты «Фелькишер беобахтер» – остальное собирали по подписным листам. Ну а офицеры Рейхсвера через партию получили возможность воплотить свою идею о «скрытой армии». Возникли штурмовые отряды – СА. Рем даже обеспечил их формой. Еще не коричневой, а серо-зеленой. На военных складах осталось множество комплектов формы старой армии, их все равно девать было некуда.

А форма сама по себе привлекала, выделяла партию из других. В это же время по Германии возникали многочисленные организации, в той или иной мере близкие гитлеровской: всевозможные «союзы», «боевые группы», «вольные стрелки», общество ветеранов войны «Стальной шлем», крестьянское молодежное движение «Артоманс». В Нюрнберге Штрейхер создал близкую Немецкую социалистическую партию, в Мюнхене капитан Хейсс собрал организацию «Рейхскригфлагге».

Со складов Рейхсвера подобные группировки доставали оружие. Все равно по условиям Версаля излишки вооружения требовалось выдать победителям. Офицеры, заведовавшие складами, когда к ним обращались бывшие сослуживцы, махали рукой – не лучше ли «своим» отдать? А Немец-

кая рабочая партия в это время наводила контакты со всеми близкими ей организациями. Так что нацисты на первых порах были, собственно, не «партией», а «движением». Впрочем, именно так они себя и называли.

Безрадостный процесс принудительных демобилизаций напрямую коснулся и Генриха Мюллера. Невзирая на боевые отличия и летное мастерство, он оказался «за бортом». Мы не знаем, что он переживал, сдавая на слом свой заслуженный бомбардировщик. Но в июне 1919 г. он был уволен в запас и сперва пристроился при инспекции по аэронавигации. Всего лишь экспедитором, на побегушках. Зато в любимой, авиационной области. Аэродромы, самолеты. Когда будут возрождаться воздушные силы – он тут как тут. Но надежды, за которые он еще цеплялся, быстро рассеивались, становилось ясно, ни о каком возрождении думать не приходится. В инспекции тоже шли реорганизации, и в ноябре она была ликвидирована.

Надо было искать какое-то другое поприще. Устроиться на завод было практически невозможно. Военное производство свернулось, а наплыв безработных захлестнул и предприятия, и торговые фирмы. Но у отца остались знакомые в баварской полиции. Там желающих поступить на службу тоже хватало. Однако связи сделали свое дело, да и высочайшие боевые награды были прекрасной рекомендацией. 1 декабря 1919 г. Мюллера приняли. Взяли его на самую низкую должность «ассистента», то есть помощника.

Это значило участвовать в облавах по грязным притонам. Сбивать ноги, опрашивая свидетелей преступлений. Мокнуть и мерзнуть на улицах, просиживать ночи на дежурствах, возиться с найденными трупами, бегать по мелким поручениям начальства. Но Мюллер не роптал, не капризничал, выполнял все задания с обычным своим старанием и трудолюбием. Теперь было не до капризов, не до воздушных замков. Главное, у него была работа, был твердый заработок и уверенность в будущем. Полиция – она всегда нужна будет, при любых правительствах.

Не исключено, кстати, что Мюллер тоже успел «познакомиться» с капитаном Ремом. Хотя и со своей, полицейской стороны. Потому что правоохранительные органы держали под надзором злачные места Мюнхена, а Рем был постоянным клиентом клуба «Эльдорадо», где собирались гомосексуалисты. Однако данный притон считался заведением «высокого класса», публика там была «избранная», поэтому облав там не проводилось, и до конфликтов с полицией дело у Рема никогда не доходило.

Но оставим на время нашего героя, проходящего нелегкую полицейскую науку. Коснемся еще одного вопроса, немаловажного для нашей темы. Отношений между Германией и Советской Россией. Ведь в 1918 г., после подписания Брестского мира, они стали фактически союзниками. Правда, в начале 1919 г. при попытке большевиков поддержать революцию в Германии эта «дружба» нарушилась. Но

уже вскоре ситуация изменилась. Когда Антанта ошеломила немцев условиями Версальского мира, многие германские политики и деловые круги стали видеть в Советской России потенциального партнера.

Впрочем, в начавшемся потеплении обе стороны преследовали собственные цели. Немцы надеялись за счет России в какой-то мере компенсировать свой политический урон и материальные убытки. Рассчитывали внедриться в советскую экономику, разрушенную гражданской войной, а если получится, то и подмять ее под себя, получить рынки сбыта. А на случай нового конфликта со странами Антанты русские выглядели естественными союзниками. Советское правительство тоже рассчитывало при помощи немцев восстановить свое разваленное хозяйство. Но и оно сохраняло «камень за пазухой».

Ведь победа в России, по концепциям Ленина и Троцкого, считалась лишь завоеванием плацдарма для грядущей, мировой революции. Согласно учению Маркса, победа социализма в одной стране могла быть только временной. А Германию видели эпицентром следующей революции, будущим союзником в войне с «мировым империализмом». Вторая попытка разжечь пожар в Европе не заставила себя ждать. Весной 1920 г. панская Польша, государство молодое, дерзкое, агрессивное, пользуясь поддержкой французов и англичан, решило округлить владения, отхватить у Советской республики ее западную часть. Но на полях Украины и в лесах

Белоруссии поляки понесли жестокие поражения, и красные армии, преследуя разбитого врага, ринулись на запад. При чем Польшей ограничиваться не собирались. Тухачевский в своих приказах прямо указывал: «Вперед, на Варшаву! На Берлин!»

Черчилль и ряд других западных политиков предлагали срочно пересмотреть свои отношения с немцами – уменьшить репарации, смягчить позицию к вооруженным силам и сделать из Германии «барьер» на пути большевиков. Правда, советское наступление быстро провалилось, и инициативы Черчилля не нашли поддержки в правительствах Англии и Франции.

Но резкие повороты европейской и германской политики косвенно отразились на карьере скромного мюнхенского полицейского Генриха Мюллера. Опасность разжигания новой революции обеспокоила германские власти. В полиции стали создавать специальные структуры для наблюдения за коммунистами и прочими экстремистскими организациями. При управлении полиции Мюнхена для этого стала формироваться так называемая служба безопасности. 16 октября 1920 г. в это подразделение перевели и Мюллера. Его начальником стал В. Фрик – будущий министр внутренних дел в правительстве Гитлера.

Вероятно, как раз тогда Мюллер впервые познакомился с коммунистическими доктринами, литературой, оценил качества тогдашних германских большевиков. Служба без-

опасности взялась за порученное дело грамотно, профессионально. Собирала информацию, обзавелась агентурой в левых группировках. Но результаты оказались более чем скромными. Серьезной борьбе мешала беззубая, «сверхдемократичная» конституция Веймарской республики. Привлечь революционеров к ответственности было невозможно. Однажды журналисты спросили полицей-президента Мюнхена Пеннера, знает ли он, что в Баварии существуют террористические группы, готовящие убийства левых лидеров. Он грустно вздохнул: «Да, существуют, но их еще слишком мало...» Словом, даже полицей-президент осознавал, что законными методами разделаться с антигосударственными организациями нереально.

Ну а потом политическая ситуация снова резко изменилась. На всех международных встречах, конференциях, в Лиге Наций с Германией обращались пренебрежительно. Особенно нагнали французы, отыгрывались за свои поражения и страхи во время войны. Использовали любой повод, чтобы унижить немцев, оскорбить. Германия очутилась в международной изоляции. Даже Польша – вопреки версальским условиям – захватила у нее Силезию, и западные державы не вмешались, молчаливо поощряя Варшаву.

А раз так, то для Германии опять оказалось оптимальным выходом налаживать контакты с Советской Россией. Это требовалось и германскому правительству, и дипломатам, и банкирам, и крупным промышленникам, и армии. Только

налаживание взаимоотношений с русскими открывало пути к новому утверждению Германии, к реанимации ее экономики. Сторонниками союза с Москвой в немецком руководстве выступали канцлер Ратенау, фон Хассе, Вирт, фон Гаммерштейн-Экворд, Брокдорф-Ранцау, генералы Сект, Гренер, Бломберг.

В 1921 г. Советская республика заключила с Германией торговое соглашение. А в апреле 1922 г. была созвана Генуэзская общеевропейская экономическая конференция – впервые на нее официально пригласили советскую делегацию. Немцы надеялись добиться на конференции смягчения наложенных на их страну тяжелых репараций. Но не тут-то было – Англия и Франция на уступки не шли, да еще и не упустили случая повозить Германию физиономией по столу за ее долги, показать презрение к ней. Зато с большевиками заигрывали, даже предложили включить Россию в число победительниц в войне, уделить ей законную «долю» немецких репараций – если она признает долги перед иностранцами царского и временного правительств.

Авторам этого плана он казался чрезвычайно тонким. Во-первых, вбивался клин между Москвой и Берлином. А во-вторых, уже становилось ясно, что получить такую непомерную сумму с Германии вряд ли получится. Более надежным выглядело сорвать куш с России, а она пусть сама у немцев вытрясет, если сможет. Но только советская делегация на приманку не клюнула. Вместо этого нарком иностранных дел

Чичерин воспользовался грубой ошибкой англичан и французов. Раскрыл их предложения немцам. А в результате уговорил германскую делегацию подписать Раппальский договор о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий и торгово-экономических связях.

Для Германии особенно важной стороной в таком альянсе стала возможность обойти некоторые пункты Версальского договора – об ограничениях для ее вооруженных сил. 11 августа 1922 г. было подписано соглашение о сотрудничестве Рейхсвера и Красной армии. Немцам предоставлялось право создавать на советской территории объекты для проведения испытаний техники, обучения личного состава запрещенных родов войск – танковых, авиационных, химических. Советская сторона получала за это материальное вознаграждение и право участия в испытаниях и разработках. Относительно запрета иметь высшие военно-учебные заведения Москва тоже оказала помощь, открыв для офицеров Рейхсвера двери советских училищ и академий. Для взаимодействия с Красной армией в Москве было открыто неофициальное представительство министерства Рейхсвера, так называемый «Московский центр» во главе с полковником фон Нидермайером.

Велись переговоры о совместном производстве самолетов и подводных лодок. Крупну предлагали в концессию крупнейшие оборонные заводы Петрограда – Путиловский и Ох-

тинский. С фирмой «Юнкерс» был заключен договор на поставку самолетов и строительство военных предприятий в СССР – эти предприятия должны были производить технику и для Рейхсвера, в проекте участвовало германское правительство, выделившее «Юнкерсу» 600 млн марок. В рамках данного соглашения началось оборудование авиационных заводов в Филях и Харькове. Примерно на таких же условиях была достигнута договоренность о строительстве совместного завода «Берсоль» – для производства отравляющих веществ. В общем, дружба налаживалась весьма продуктивная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.